

УДК 392.7
ББК 63.52

Бытовое взаимодействие старообрядцев с «иноверцами»: актуальные запреты и предписания в текстах и практиках

Наталья Сергеевна Душакова

(Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия)

Кандидат исторических наук, научный сотрудник,
ORCID ID: 0000-0003-4486-5367, Центр научного проектирования
Российского государственного гуманитарного университета,
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6, тел.: +7 (495) 50-66-41,
E-mail: dushakova@list.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2018.11

Аннотация: В статье рассматриваются правила, регулирующие повседневную коммуникацию старообрядцев с православными нестарообрядцами (новообрядцами, которых часто называют никонианами) и евреями, а также то, каким образом эти правила соблюдаются на практике. Автор уделяет внимание тому, как старообрядцы интерпретируют мотивировки прескрипций и как в различных ситуациях объясняют необходимость нарушать определенные нормы. Эмпирическая основа исследования включает интервью, записанные в 2010–2017 гг. среди старообрядцев Республики Молдова, включая Приднестровье. Полевые материалы показывают, что многие инструкции функционируют только в форме знания о правилах, при этом не обязательно соблюдаются на практике. В то же время в сообществах постоянно вырабатываются способы смягчения правил, ликвидации последствий их нарушения, вплоть до изменения самих правил, их адаптации к социокультурному контексту.

Ключевые слова: *старообрядцы, запреты, предписания, групповые границы, Молдова*

Исследование выполнено в РГГУ за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10091).

Еще М. Дуглас обратила внимание на то, что сообщества, наиболее ориентированные на «табу», нацелены на сохранение сложного комплекса социальных границ. Именно поэтому они затрачивают столько энергии на регуляцию поведения носителей культуры [Douglas 1979, 2771]. Изучение актуальных запретов и предписаний, функционирующих в этноконфессиональных сообществах, видится важным для понимания того, каким образом границы очерчиваются изнутри групп, т.е. как и в каких сферах сами представители сообществ ограничивают взаимодействие с иноэтничным и иноконфессиональным населением, чем это мотивируют и насколько последовательно на практике соблюдают правила.

Запреты и предписания представляют собой короткие тексты, которые строятся по модели «делай (не делай) то-то, если не сделаешь (сделаешь), будет так». Таким образом, текст инструкции состоит из двух частей: само правило и мотивировка, в которой сообщается о последствиях или результатах выполнения или нарушения правила. Нередко встречаются инструкции в редуцированной форме – без мотивировки. Важной особенностью правил является их коммуникативная природа [Христофорова 1998].

В основу данного исследования легли теоретические разработки С.Ю. Неклюдова, который поставил важный вопрос о соотношении реальной обрядовой практики и «фольклора о ней». В описании обрядовых практик исследователь выделяет такие типы высказываний, как экспликация («как вообще бывает», нейтральная форма) и инструкции – запреты и предписания. Последние рассматриваются как традиционные формы регуляции поведения, при этом под запретами понимаются ограничения, налагаемые традицией на поведение людей («как не надо», негативная форма), а под предписаниями – инструкции, которые следует соблюдать в рамках традиции («как надо», позитивная форма). Запрет выступает как более сильная форма по сравнению с предписанием: его нарушение вызывает нежелательные последствия, но остается в рамках обычая, а следствием несоблюдения предписания становится забвение обычая [Неклюдов 2013, 77–173].

В качестве источников в данной статье привлекаются полевые материалы из старообрядческих поселений Республики Молдовы (села Покровка, Кунича, Старая Добруджа, Егоровка, город Единцы),

включая Приднестровье (города Тирасполь и Бендеры), собранные с 2010 по 2017 г., а также архивные материалы Центра «Сэфер» (экспедиция в Приднестровье 2017 г.). Исследования проводились среди старообрядцев как поповского толка (большинство изученных поселений), так и беспоповского (община Единцов). Часть используемых полевых материалов в виде фрагментов интервью хранится в электронном каталоге запретов и предписаний старообрядцев Северо-Западного Причерноморья¹.

В данной статье предполагается проанализировать зафиксированные вербальные запреты (тексты нормативов), направленные на регуляцию повседневного взаимодействия старообрядцев с иноконфессиональным окружением, а также акциональное выражение этих правил в настоящее время (актуальные практики). Внимание также будет уделяться тому, как сами старообрядцы интерпретируют мотивировки прескрипций, усвоенных с детства, и как объясняют необходимость нарушения запретов в различных ситуациях.

Данные интервью и наблюдений позволяют получить разные сведения о функционировании запретов и предписаний, которые могут как дополнять, так и противоречить друг другу. Если задавать информантам вопросы: «А можно ли у вас...? А принято ли у старообрядцев...? Запрещается ли...?» и т.п., антрополог может получить вербализованные специально для исследователя правила. Эти правила информанты могут дополнять своими воспоминаниями, рассказами об актуальных практиках. В традиции инструкции существуют в форме общего знания, а в речи актуализируются в основном в контексте нарративов о нарушении запретов или несоблюдении предписаний. Материалы, полученные в ходе наблюдений, без наводящих вопросов исследователя, позволяют получить данные о реальных повседневных практиках.

Запреты и предписания в статье рассматриваются не как застывшие формы, а как живые правила, которые подвержены постоянным изменениям. На динамичность норм обращали внимание современные исследователи религиозных практик. В частности, А. Агаджанян и К. Русселе в своей программной статье подчеркнули, что «“нормы” и отношения к ним со стороны членов сообщества со временем могут меняться», для сообществ характерно постоянное со-

¹ Доступен по ссылке: http://ruthenia.ru/folklore/dbases/dushakova_prohibitions/.

здание «норм», экспериментирование с «нормой», соперничество «за право легитимно представлять “изначальную”, аутентичную норму, авторитетно интерпретировать ее и идентифицировать себя с ней (или с нормативным сообществом)» [Агаджанян, Русселе 2006, 11]. Продолжая эту мысль, Е.С. Данилко уже непосредственно на основе старообрядческого материала рассуждает о том, что «изменяющая повседневность диктует создание новых норм; изобретаются способы включения старых символов-маркеров в новый контекст» [Данилко 2015, 25].

Инструкциям, распространенным среди российских старообрядцев разных толков и согласий, посвящены исследования Н.Н. Покровского [Покровский], Е.С. Данилко [Данилко 2000; 2006], О.Б. Христофоровой [Христофорова 2012; 2014], Е.Б. Смилянкой [Смилянская 2003], В.В. Власовой [Власова 2002], А.А. Чувьюрова [Чувьюров 2005], Р. Робсона [Robson 1995]. Запреты и предписания старообрядцев зарубежья рассматривали Н.В. Иванова [Иванова 2014], В.Е. Добровольская [Добровольская 2013], Н. Морозова, Ю. Новиков [Морозова, Новиков 2007], Д. Шэффел [Scheffel 1991], Р. Моррис [Morris 1990]. Большинство из перечисленных авторов основное внимание уделяли правилам старообрядцев-беспоповцев ввиду «лучшей сохранности» запретов и предписаний именно в этих группах. По словам Е.Б. Смилянкой, «для рассеянных по миру и не имеющих сильного центра старообрядцев запрет взял на себя часть функций церковной организации, формируя структуры конфессиональной и культурной идентичности. Не случайно, выработке системы запретов и соблюдению этой системы значительно большее внимание уделяли и уделяют не имеющие церковной иерархии *беспоповские* направления старообрядчества» [Смилянская 2003].

В данной статье я остановлюсь на запретах и предписаниях, регулирующих повседневное взаимодействие старообрядцев с евреями и православными нестарообрядцами. Последних староверы изучаемого региона называют «никонианами», «никонианцами» / «никонцами», «внешними», «новообрядцами», «простыми православными», «православными, но не нашими», «кирилловцами». Этноконфессионим «кирилловцы» употребляется наряду с другими приведенными наименованиями старообрядцами севера Молдовы (поповцами в Покровке и беспоповцами в Единцах). Достаточно часто представите-

лей других конфессий обозначают через их этническую принадлежность (молдаване, румыны, хохлы, болгары, евреи и т.д.). Сцепка конфессионального и этнического компонентов выражается и в распространении таких внутренних, типичных для старообрядческой среды региона терминов, как «молдавская вера», «хохляцкая вера», «еврейская религия».

Рассмотрим несколько фрагментов интервью, в которых старообрядцы рассказывают об иноконфессиональном окружении.

[ГМИ:] У нас много всяких было. Кто были вот эти молokane, я точно знаю, что какие еще были веры в городе? Молокане. [КИТ:] Молокане. Баптисты были. [ГМИ:] Ну, баптистов мало было. [КИТ:] Поляки у нас были, у нас даже костел был. [ГМИ:] Евреев много было. [КИТ:] Очень много евреев было в Бендерах, очень много. [ГМИ:] Ну, и никониан очень много. [КИТ:] Ну, никониане – это большая, большая половина с нами. [ГМИ:] Храм их, никониане. [КИТ:] Нас, старообрядцев, очень много было в Бендерах. [ГМИ:] Да. [КИТ:] Много было верующих (ГМИ, 1939 г.р.; КИТ, 1921 г.р., г. Бендеры).

[ГМИ:] Много отступлений у никониан. [КИТ:] У них религия намного легче. Не так соблюдается. [ГМИ:] Просто ее не соблюдают. А как бы основные законы, правила у нас одинаковые. Но у нас жестче требуется. А тем более, раньше у никониан очень строго тоже было, а вот потом у них стало слабинка, свобода. Вот этот я смотрела журнал. Как? Ну, и у нас сейчас тоже, как бы. Как бы мы тоже во многом даем слабину (ГМИ, 1939 г.р.; КИТ, 1921 г.р., г. Бендеры).

[АДФ:] Просто есть вот наша вера до раскола, а есть уже нововведения там пошли, вот после никонцев. [Ж:] Да, уже новообрядцы. [АДФ:] Да, это уже ново... новообрядец. [Ж:] Их даже нельзя назвать православными. Как у нас говорят: «Это православные, мы – старообрядцы». Нет. Как же они православные, если они криво славят Христа? Они не правы. Мы – православные, они – не православные. [АДФ:] И они нас называли раскольниками, но, на самом деле, они раскололи веру. [Православные?] Православные, да. Ну, мы все как бы православные. [Ж:] По сути, они не православные (АДФ, 1980 г.р.; Ж., ок. 1980 г.р., с. Покровка).

В первом фрагменте в качестве рядоположных понятий приводятся указания на этничность и конфессию (в порядке появления в тексте: молokane, баптисты, поляки, евреи, никониане, старообряд-

цы). В приведенных интервью однозначно прослеживается представление о наличии разных групп, противопоставляемых старообрядцам, при этом признаки этих групп определяются нечетко (например, правила, которым следуют никониане), а сами границы достаточно подвижны. Используя теоретический язык Ф. Барта [Барт 2006], можно говорить о работе механизмов группового включения / исключения при размытых (и изменчивых) представлениях о значимых групповых признаках.

Рассмотрим, как в различных областях взаимодействия с иноконфессиональным окружением старообрядцы выстраивают групповые границы, вербализуя нормы в виде запретов и предписаний.

Ограничение социальных контактов

Во время экспедиции в Тирасполь было записано интервью с местной жительницей, переехавшей из старообрядческого села Плоское, расположенного недалеко от Тирасполя, но через границу, на территории современной Украины:

Если раньше, по рассказам, дали попить воды неверному, и они выбрасывали эту кружку. [А в неверные кто попадал?] Ну, вот эти, которые приезжие были, в основном, хохлы, вот, евреи. Нам вообще не велено с евреями общаться. [Не велено? А почему?] То, что они... не старообрядцы, как бы... я знаю, что мама... Были знакомые у меня как-то здесь, и она как-то дала кусок материала. И ей тетя Павлина, ее родственница, говорит: «Зачем ты взяла? Нам не велено с ними общаться. Отдай что-нибудь, чем-то отблагодари ее, чтоб ты не должна ей была». Ну, и мама, как имела – картошку, там, бурячок. Говорит: «На, дочка, отведи, чтоб я с ними связана не была». Я за этот материал отдала это все. [То есть даже брать ничего нельзя?] Да! Давать можно, а брать нельзя. <...> Нежелательно тоже и от хохла брать. Нам даже ж не велено за них молиться. Дома можно молиться, а в церкви не велено молиться. Пусть они в своих церквях молятся – вот батюшка нам так объяснял (ЛАИ, 1965 г.р., Тирасполь).

Если следовать логике дарообмена, изложенной М. Моссом, то «подарить нечто кому-нибудь – это подарить нечто от своего “Я”» [Мосс 2011, 152]. Соответственно, чтобы освободиться от «связи

посредством вещей», необходимо компенсировать дар, что и было сделано в приведенном примере. Возмещение дара в данном случае было важным не только для того, чтобы не оставаться у кого-то в долгу (при этом подаривший обладает властью над тем, кому был преподнесен дар), но и для соблюдения границы с представителем иноконфессионального окружения. Далее в интервью собеседница сформулировала принцип: «Купля все очищает», объясняя тем самым, что покупать можно и у «иноверцев», при этом необходимая граница будет сохранена.

Правило, которое повторяла мать ЛАИ, о том, что нельзя общаться с евреями, женщина уже не соблюдает строго, объясняя это тем, что «по работе приходится сталкиваться с разными людьми»: «Надо идти в монастырь, чтобы ни с кем не общаться». Тем не менее, отвечая на дальнейшие вопросы интервьюера, она демонстрирует знание о правиле: «Ко мне можно ходить, а мне нельзя ходить к ним, даже и к невенчанным». На случай нарушения правила предусмотрен способ ликвидации нежелательных последствий – очищение: «Нужно брать молитву от скверны: подавать записочку, чтобы батюшка читал молитву» (ЛАИ, 1965 г.р., Тирасполь).

В этой же общине запрет на общение с евреями был зафиксирован и от других информантов, преимущественно переехавших в Тирасполь из других поселений. Существует установка на ограничение взаимодействия и с православными нестарообрядцами, однако в отношении евреев она действует сильнее из-за конфессиональной дистанции: «Евреи Христа не признают, какое может быть с ними общение!» (КАА, 1931 г.р., Тирасполь).

Любопытное столкновение вариативных представлений о необходимости соблюдать границу с представителями других конфессий удалось наблюдать во время интервью, которое для исследователей организовала ЛАИ. Во время нашего интервью она задала вопрос своей знакомой, местной старообрядке:

[ЛАИ:] А почему мама мне говорила, что нам с евреями не велено вообще встречаться, общаться? [АМА:] А если надо было где-то работать, где-то подработать? [ЛАИ:] А почему с ними не велено? [АМА:] Кто тебе сказал? [ЛАИ:] Мама моя говорила. [АМА:] Не знаю, я такого не читала и не писала. Это вы плосковские, у вас свои законы (ЛАИ, 1965 г.р.; АМА, 1925 г.р., Тирасполь).

Этот пример демонстрирует, как по-разному в одной современной общине очерчиваются границы с иноконфессиональным окружением: у местных старожилов не зафиксировано представление о важности ограничения социальных контактов с евреями, в то время как приезжие из с. Плоское (Украина) и ряда российских поселений демонстрируют как минимум знание о запрете на взаимодействие с евреями.

В сельских общинах Молдовы подобный запрет в вербализованной форме записан не был. В воспоминаниях старообрядцев евреи фигурируют как грамотные учителя или зажиточные знакомые, у которых они брали деньги займы; о правиле не ходить в гости к евреям не рассказывали, хотя некоторые информанты отмечали, что «просто не ходили». Вот один из типичных ответов на вопрос об общении с евреями в сельских поселениях:

[С евреями общались?] Ой, какие хорошие евреи у нас! [Да?] Да. И учителя, и так. Вот не учит, а жинка учительница – они жили в нашем селе, жили. [А к ним в гости ходили старообрядцы?] Ну а как же! [Ходили?] Они общительные были. [А вы ходили?] Да, я ходила, только толку мало. Кому я... ну, так, знакомые были, добрые. И я помню, как с работы приехала, да и тут жил один еврей, и жена учительница была. Просто вот по этой улице. И со станции вместе провел домой хоть бы что. Дядька. Я забыла уже, как его звать (СИЕ, 1936 г.р., с. Кунича).

Как показывают наблюдения, запрет на социальные контакты с представителями других конфессий усиливается во время поста и религиозных праздников. Даже если обычно правило ограничивать общение с евреями и православными нестарообрядцами не соблюдается, то во время поста староверы могут вообще не впустить к себе домой «иноверца». Кроме сведений из интервью, об этом говорит мой опыт взаимодействия со старообрядцами в качестве исследователя их культуры и представителя другой конфессии. Например, мне однажды отказала в интервью жительница с. Кунича, мотивировав это тем, что «в пост чужих не принимает». Позже местные женщины, хорошо знакомые с ней, пояснили: «Она ничего не имеет против тебя лично, просто в пост с иноверными не разговаривает и домой не зовет. Приезжай, когда поста не будет, – она точно примет!» Другой случай, так же свидетельствующий об актуальном бытовании

реальной практики, произошел в другом селе на севере Молдовы². Хозяйка, у которой я жила во время проведения исследований, сказала, что, когда я уеду, она пойдет в церковь и возьмет молитву: «Ты живи спокойно, не переживай. Я просто потом молитву возьму. Молитву у нас вычитывают, если в доме кто-то жил из чужих».

Запреты на совместные трапезы и использование одной посуды

С последней инструкцией тесно связаны правила не принимать участия в совместных трапезах с представителями других конфессий и не пользоваться с ними одной посудой – это наиболее распространенные из зафиксированных нормативов, регулирующих повседневное взаимодействие с нестарообрядцами.

[ПМФ:] Вот наших родителей мы могли считать настоящими старообрядцами <...> Во-первых, они очень крепко держали свою веру. Они даже... вот у нас тут украинцы живут на селе... [МАЕ:] Никонианцы. [ПМФ:] Ну, никонианцы, украинцы, вот... хохлы называют... [Да, я слышала...] [ПМФ:] Ну, вот, нельзя было, чтобы с одной кружки они пили воду... [С хохлами?] [ПМФ:] Да, с хохлами. Значит, они считались поганые – хохлы, потому что они предали веру, значит, старую веру предали, они поганые (ПМФ, 1957 г.р.; МЕА, 1951 г.р., с. Кунича).

Раньше, ну, это у моей мамы, если приходит кто-то посторонний, не старообрядец, отдельная посуда была. Вот эту посуду так и называли «поганая» или «нечистая». Не ели, нельзя было есть вместе с той посуды. Ведро держали отдельно, там кружку, если кто-то придет (КИК, с. Егоровка).

Вот, когда обед, и приходили если нищие, им отдельно ставили. [При церкви?] Да, там вот, у нас же есть трапезная. Отдельные столики и отдельная... [И отдельная посуда?] Да. [А в домах?] Ну, в домах – нет. Ну, если дома семья, то как? [А если в гости никонианин пришел, то как?] Да уже как-то это все стерлось. Раньше были более... Сейчас какие-то, мне кажется, нет. [А раньше – это примерно когда? У бабушки Вашей было?] У бабушки было. Тогда были еще такие... корни. [А у ро-

² В целях соблюдения этики исследований название села и данные информанта в этом случае приводиться не будут.

дителей уже нет?] У родителей уже поменьше... (ММП, 1956 г.р., г. Бендеры).

[КИТ:] Вера у нас очень строгая. [ГМИ:] Ну, да. [А когда чужие в дом заходили, их кормили из другой посуды или нет?] [КИТ:] Так делали наши бабушки. Мы уже в наше время такое не делали, уже как-то смешалось это все. А положено иметь такую посуду для... [ГМИ:] Ну, вот я, например, сейчас даже, в основном, если пить кому дам, вот приходят иногда тут, по огороду идут люди, просят попить. Я потом пришла, эту чашку, кружку помыла и над огнем ее провела, и опять помыла. Или же священной водой ополаскиваю. Так, так (ГМИ, 1939 г.р.; КИТ, 1921 г.р., г. Бендеры).

[Говорят, что у старообрядцев вот была раньше вот такая посуда для других людей, для чужих?] Да, да. Говорят. Я это... такого при мне уже, скажем... может, самые-самые, которые были, скажем, клятые, вот. А при мне уже много поменялось. У нас очень много с армии попривезли жён себе. И те уже живут по-нашему, всё, приняли нашу веру, ну... при мне уже такого не... не встречала. [Просто слышали, что...] Слышала, были, были старики, которые такие противные. Они и сейчас, наверно, есть. Были такие единицы. Да, я не спорю. А так, чтоб вот, как все говорят... раньше мой же всегда мне другой раз: «Та, у вас же кацапы, они ж воды не дадут напиться». А я говорю: «Та ну не было при мне такого» (ЛСБ, 1953 г.р., г. Тирасполь).

Судя по словам информантов, практика соблюдения отдельной посуды уходит из активного бытования, в некоторых случаях сохранение ритуальной чистоты при совместном использовании посуды с представителями других конфессий (и не только с ними – с теми людьми, которые включаются в категорию «поганых» / нечистых) достигается особыми способами очищения (сполоснуть святой водой, провести над огнем). В отличие от реальной практики, знание о ней распространено повсеместно. В изучаемом регионе мне не встретилось ни одного старообрядца, который бы ничего не слышал о рассматриваемой практике. Несоблюдение этого правила нередко интерпретируется в старообрядческих сообществах как утрата традиций / корней и т.п.

Точно по той же модели функционирует в настоящее время запрет на совместные трапезы с евреями и никонианами. В отношении

евреев этот запрет нарушается редко, поэтому правило вербализуется старообрядцами как направленное на никониан. Практически повсеместно я записывала интервью, в которых информанты говорили о необходимости проходить процедуру очищения после того, как «сидели за столом с никонианами», «даже только пили чай». В этих случаях прибегают к религиозной практике – «взять в церкви молитву от скверны»: «Если мы сидели за одним столом с никонианами, священник должен вычитать молитву» (НВФ, 1927 г.р., г. Тирасполь); «Если я с никонианами хоть чай пила, я должна молитву взять у батюшки» (ВАЗ, 1952 г.р., с. Покровка). Делают это на практике в настоящее время далеко не все, но подавляющее большинство осведомлены об инструкции.

Запрет на посещение бани с иноверцами / запрет приглашать в свою баню иноверцев

Если рассмотренные выше правила характерны для старообрядцев как поповского, так и беспоповского толков, а вариативность в деталях, мотивировках, степени их применимости прослеживается не столько на уровне сопоставления традиций у старообрядцев разных направлений, сколько на индивидуальном уровне в рамках отдельных общин, то запрет посещать баню с представителями других конфессий – особенность беспоповских сообществ.

Согласно моим наблюдениям, в большинстве поповских общин региона пригласить к себе в баню чужого – это зачастую показатель гостеприимства и способ продемонстрировать расположение. Они это делают, а потом с удовольствием рассказывают о том, кто парился в их бане («Сам N. в моей баньке парился!»). В городских поповских старообрядческих общинах вспоминают об использовании общественных бань (например, в городах Бендеры и Тирасполь).

Иную ситуацию довелось наблюдать в беспоповской общине Единцов, где распространен запрет на совместное с иноверцами использование пространства бани. Во время экспедиции местные жители сказали исследователям: «Не были бы вы кирилловцы, позвали бы вас в баню! А так простите, девоньки, не можем!» (зап. в г. Единцы). После этого муж с женой разъяснили, что у них это не

принято. Данные, полученные от других информантов, подтвердили существование такого правила в общине. Все местные старoverы, которым я задавала вопрос о том, можно ли пригласить в свою баню нестарообрядца, отвечали, что это «не принято», «не положено» или «грех». Тем не менее в отдельных случаях запрет нарушался:

А была милиция, ей боялись, были начальники, ревизоры. Они с села, а бани у них нету. А они любят баньку русскую с веничком. Топили, угощали их. Кормили и поили – угощали их. Мы были от них зависимы. Милиция, там, и так далее. Сам председатель приезжал в баню мыться. Вот председатель, а бани у него не было, он бани не построил. У них не было это заведено. [А вообще, не считаете, что это грех – чужого позвать?] Грех! Это грех очень, чтоб он мылся. Чтоб он мылся в бане – это грех. Но для них была специальная посуда. Специальный веник для них был и специальная посуда. Так было. [А вот они когда помылись, после них баню мыли как-то, или что там делали?] Ну, поливали её кипятком, обжигали. Наматывали тряпку, в солярку – и обжигали эту баню. Но жили бедно и были от них зависимы, и топили им баню, потому что от них были зависимы <...> [А вот вы говорите, для них была другая посуда. Она называлась как-то?] Нет. Просто у меня тазик мой, а этот тазик – придут иноверные, это их тазик. Когда они придут, быстро им эту посуду поставили, они вышли... Но старались так, что если баня, то только для них. После них уже никто не идёт. Только для них в этот день была баня. А для себя будет другой день (ЩИИ, 1944 г. р., г. Единцы).

Даже при нарушении самого запрета ЩИИ указывает на стремление максимально раздельного использования бани: разграничение осуществляется по времени (в другой день), по утвари («специальный веник и специальная посуда»). Снижая таким образом степень осквернения банного пространства, ЩИИ тем не менее говорит о необходимости очищения после посещения бани представителем другой конфессии. В приведенном фрагменте интервью чистота восстанавливается путем обжига.

Запрет на браки

В настоящее время запрет на браки с представителями других конфессий старообрядцами не соблюдается. По данным информантов, смешанных браков не было примерно до 80-х гг. XX в. Сегодня

это правило уже не регулирует межгрупповое взаимодействие, а сохраняется только в памяти староверов старшего поколения. Тем не менее в изучаемом регионе не было зафиксировано случаев заключения браков старообрядцев с евреями. Браки с никонианами достаточно распространены. Для прохождения обряда венчания одного из супругов обычно переводили в старообрядческую веру.

[Муж тоже из старообрядцев?] Нет, муж никонианец был. В 60 лет его крестили, и мы венчались, да, в 94-м году только. Мы жили так. Ну, в то время он был военный, партийный был. Не хотел венчаться. Не то, что не хотел, нельзя было тогда. А потом он согласился. Мы повенчались, все провели у нас, у старообрядцев, как положено. Религия у нас очень строгая (КИТ, 1921 г.р., г. Бендеры).

[А было такое, чтобы кацапы и евреи женились?] Нет. [Нет?] Ну, где-то, а у нас... [У нас не было.] У нас не было, чтоб евреи с кацапами. И раньше не было, даже вот это все... Да, тут много повышли за наших молдаван. Поженились. Вот, А. женился, К., В. Тут тоже молдаванцы. Много, много... (СИЕ, 1936 г.р., с. Кунича).

Как показывают полевые материалы, в настоящее время в старообрядческой среде региона ряд запретов и предписаний существуют только в виде знания об инструкциях, которое передается и молодому поколению. Следование инструкциям на практике далеко не всегда сопровождает подобное знание. Соблюдение запретов воспринимается внутри групп как особенность «настоящего старообрядца», т.е. такого, который сохраняет, с точки зрения современных представителей сообществ, эталонные традиции. Внутри традиции постоянно вырабатываются способы смягчения правил (например, необходимость соблюдать их в церкви, а не дома; в пост или религиозный праздник и т.д.), ликвидации последствий их нарушения – вплоть до изменения самих правил, их адаптации к меняющемуся социокультурному контексту (например, от запрета на совместные трапезы с иноверцами до необходимости брать очистительную молитву после такой трапезы, полоскать посуду освященной водой / обжигать посуду).

Общим правилом, распространяющимся на все сферы взаимодействия старообрядцев с иноконфессиональным окружением, выступает сведение контактов к минимуму, что непосредственно эксплицируется изнутри традиции: представителей других конфессий старо-

обрядцы называют «погаными» («Если не нашей веры – значит, это поганые»; «так называют, что другой веры – поганые»), «неверными», «иноверцами», «иноверными». Установка на ограничение социальных контактов с представителями других конфессий работает несколько по-разному в отношении евреев и православных старообрядцев: запреты строже регулируют общение с неправославными, в нашем случае – с евреями, что можно объяснить большей конфессиональной дистанцией.

В настоящее время выстраивание групповых границ при бытовом взаимодействии с представителями других конфессий на практике чаще всего осуществляется посредством восстановления ритуальной чистоты, нарушенной при несоблюдении запрета на ограничение контактов. Следует обратить внимание и на индивидуальные стратегии в очерчивании границ с «иноверцами», проявляющиеся в тех случаях, когда нет возможности соблюдать запреты, переданные старшим поколением («Надо идти в монастырь, чтобы ни с кем не общаться»). Среди рассмотренных примеров к ним можно отнести проведение границы посредством ответного дара и запрета принимать дары в будущем или несоблюдение запрета в приватной сфере (дома можно молиться за иноверца, в церкви – нельзя). Большое количество смешанных браков приводят к тому, что в быту становится сложнее соблюдать границу: если супруга / супругу переводят в старообрядческую веру перед венчанием, то родственники остаются в своей вере. Общение с ними в большинстве случаев не ограничивается, они пользуются той же посудой, ходят в ту же баню и т.д. Важно отметить, что, несмотря на то, что запреты часто нарушаются, во всех старообрядческих общинах распространено знание о правилах ограничения контактов с иноконфессиональным окружением при достаточно размытых представлениях о признаках других конфессиональных групп.

Литература и источники

- Агаджанян, Русселе 2006 – *Агаджанян А., Русселе К.* Как и зачем изучать современные религиозные практики // Религиозные практики в современной России: Сборник статей / Под ред. К. Русселе, А. Агаджаняна. М., 2006. С. 11–32.

- Барт 2006 – Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М., 2006.
- Власова 2002 – *Власова В.В.* Повседневные запреты в коми старообрядческих общинах // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы VI научно-практической конференции. М., 2002. С. 515–521.
- Данилко 2000 – *Данилко Е.С.* Старообрядчество на Южном Урале: Историко-этнографическое исследование. Уфа, 2000.
- Данилко 2006 – *Данилко Е.С.* Социальные механизмы сохранения традиционных ценностей (на примере старообрядческой общины г. Миасса Челябинской обл.) // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 98–108.
- Данилко 2015 – *Данилко Е.С.* «Старая вера» по-чувашки: книжная традиция и повседневные практики одной старообрядческой общины // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 19–32.
- Добровольская 2013 – *Добровольская В.Е.* Поверья в фольклорной традиции старообрядцев Прибалтики // Традиционная культура. 2013. № 3 (51). С. 30–40.
- Иванова 2014 – *Иванова Н.В.* Запреты и предписания староверов Латгалии // Научный диалог. 2014. № 4 (28): Филология. С. 74–87.
- Морозова, Новиков 2007 – *Морозова Н., Новиков Ю.* Чудное Причудье. Фольклор староверов Эстонии. Тарту, 2007.
- Мосс 2011 – *Мосс М.* Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 2011. С. 134–285.
- Неклюдов 2013 – *Неклюдов С.Ю.* «Дурной обычай»: признаваемые правила и реальная практика в народной культуре // Запретное / допускаемое / предписанное в фольклоре / Под ред. Е.Н. Дувакина, Ю.Н. Наумовой. М., 2013 (Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика). С. 77–173.
- Покровский – *Покровский Н.Н.* Соборные постановления старообрядцев-часовенных востока России XVIII–XX вв. как исторический источник (http://zaimka.ru/religion/pokrov_rost.shtml).
- Смилянская 2003 – *Смилянская Е.Б.* Роль запрета в сохранении идентичности конфессиональной группы (по материалам старообрядческих общин) // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия / Отв. ред. Е. Алексеева. М., 2003. С. 143–152.
- Христофорова 1998 – *Христофорова О.Б.* Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах. М., 1998.
- Христофорова 2012 – *Христофорова О.Б.* Что произошло во время встречи прп. Макария Великого с бесом? Канон и апокриф // Демонология как семиотическая система. Тезисы докладов Второй научной конференции. Москва, РГГУ, 15–16 июня 2012 г. М., 2012. С. 75–83.
- Христофорова 2014 – *Христофорова О.Б.* «Слово о ядении» преп. Нифонта в иконографии и устной традиции: трансформация образов видения и визионера // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. 3 / Сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М., 2014. С. 209–235.

- Чувьюров 2005 – *Чувьюров А.А.* Пищевые предписания и запреты в религиозно-обрядовой культуре коми старообрядцев-беспоповцев // Пир – трапеза – застолье в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2005. С. 125–143.
- Douglas 1979 – *Douglas M.* Taboo // *Cavendish R.* Man, Myth, and Magic. London, 1979. Vol. 20. P. 2767–2771.
- Morris 1990 – *Morris R.* Old Russian Ways. Cultural Variations among Three Russian Groups in Oregon. New York, 1990.
- Robson 1995 – *Robson R.* Old Believers in Modern Russia. DeKalb, 1995.
- Scheffel 1991 – *Scheffel D.* In the Shadow of Antichrist: The Old Believers of Alberta. Peterborough, 1991.

Everyday Interactions of Old Believers with Adherents of Different Faiths: Current Prohibitions and Prescriptions in Texts and Practices

Natalia Dusacova

(Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia)

PhD in history, scientific researcher, ORCID ID: 0000-0003-4486-5367, the Centre for scientific projects, Russian State University for the Humanities, Miuskaya sq. 6, Moscow, Russia, GSP-3, 125993, tel.: +7 (495) 250-66-41, E-mail: dushakova@list.ru

Summary: The article analyzes verbal rules regulating everyday communication of the Old Believers with adherents of new-style Orthodoxy (often called Nikonians) and Jews as well as the way these rules are being put into practice. The author pays attention to personal interpretations of motivating prescriptions and explanations of the necessity to violate the norms in different situations. The empirical basis of the research includes interviews recorded in 2010–2017 in the communities of the Old Believers in the Republic of Moldova, including Transnistria. Field materials demonstrate that a lot of instructions only function in the form of knowledge about the rules, not necessarily followed by real practice. At the same time communities constantly elaborate ways of mitigating the rules, eliminating the consequences of their violation up to changing the rules, adapting them to the sociocultural context.

Key words: *Old Believers, prohibitions, prescriptions, group boundaries, Moldova*

References:

- Agadzhanian A., Russele K.* Kak i zchem izuchat sovremennye religioznye praktiki // Religioznye praktiki v sovremennoĭ Rossii: Sbornik stateĭ / Ed. by K. Russele, A. Agadzhanian. Moscow, 2006. P. 11–32.
- Chuvyurov A.A.* Pishchevye predpisaniia i zaprety v religiozno-obriadovoi kulture komi staroobriadtsev-bespopovtsev // Pir – trapeza – zastole v slavianskoĭ i evreĭskoĭ kul'turnoi traditsii / Ed. by O.V. Belova. Moscow, 2005. P. 125–143.
- Danilko E.S.* Staroobriadchestvo na Iuzhnom Urale: Istoriko-ětnograficheskoe issledovanie. Ufa, 2000.
- Danilko E.S.* Sotsialnye mekhanizmy sokhraneniia traditsionnykh tsennoĭ (na primere staroobriadcheskoĭ obshchiny g. Miassa CHeliabinskoĭ obl.) // Ętnograficheskoe obozrenie. 2006. No. 4. P. 98–108.
- Danilko E.S.* “Staraia vera” po-chuvashski: knizhnaia traditsiia i povsednevnye praktiki odnoi staroobriadcheskoĭ obshchiny // Ętnograficheskoe obozrenie. 2015. No. 5. P. 19–32.
- Dobrovolskaya V.E.* Poveria v folklornoĭ traditsii staroobriadtsev Pribaltiki // Traditsionnaia kultura. 2013. No. 3 (51). P. 30–40.
- Douglas M.* Taboo // *Cavendish R.* Man, Myth, and Magic. London, 1979. Vol. 20. P. 2767–2771.
- Ivanova N.V.* Zaprety i predpisaniia staroverov Latgalii // Nauchnyĭ dialog. 2014. No. 4 (28): Filologiya. P. 74–87.
- Khristoforova O.B.* Logika tolkovanii: Folklor i modelirovanie povedeniia v arkhaiskikh kul'turakh. Moscow, 1998.
- Khristoforova O. B.* Chto proizoshlo vo vremia vstrechi prp. Makarii Velikogo s besom? Kanon i apokrif // Demonologiya kak semioticheskaia sistema. Tezisy dokladov Vtoroi nauchnoi konferentsii. Moskva, RGGU, 15–16 iunია 2012 g. Moscow, 2012. P. 75–83.
- Khristoforova O.B.* “Slovo o iadenii” prep. Nifonta v ikonografii i ustnoi traditsii: transformatsiia obrazov videniia i vizionera // In Umbra: Demonologiya kak semioticheskaia sistema. Iss. 3 / Ed. by D.I. Antonov, O.B. Khristoforova. Moscow, 2014. P. 209–235.
- Morozova N., Novikov Yu.* Chudnoe Prichude. Folklor staroverov Ęstonii. Tartu, 2007.
- Morris R.* Old Russian Ways. Cultural Variations among Three Russian Groups in Oregon. New York, 1990.
- Moss M.* Obshchestva. Obmen. Lichnost: Trudy po sotsialnoi antropologii. Moscow, 2011.
- Neklyudov S.Yu.* “Durnoi obychai”: priznavaemye pravila i realnaia praktika v narodnoi kulture // Zapretnoe / dopuskaemoe / predpisannoe v folklоре / Ed. by E.N. Duvakin, Yu.N. Naumova. Moscow, 2013. P. 77–173.
- Pokrovskiy N.N.* Sobornye postanovleniia staroobriadtsev-chasovennykh vostoka Rossii XVIII–XX vv. kak istoricheskiĭ istochnik (url: http://zaimka.ru/religion/pokrov_rost.shtml)
- Robson R.* Old Believers in Modern Russia. DeKalb, 1995.

- Scheffel D.* In the Shadow of Antichrist: The Old Believers of Alberta. Peterborough, 1991.
- Smilyanskaya E.B.* Rol zapreta v sokhranении identichnosti konfessionalnoї gruppy (po materialam starobriadcheskikh obshchin) // Problemy identichnosti: chelovek i obshchestvo na poroge tretego tysiacheletia / Ed. by E. Alekseeva. Moscow, 2003. P. 143–152.
- Vlasova V.V.* Povsednevnye zaprety v komi starobriadcheskikh obshchinakh // Starobriadchestvo: istoriia, kultura, sovremennost. Materialy VI nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moscow, 2002. P. 515–521.